

В. А. Томсинов

**Законодательство
императрицы Екатерины I:
комментарий**

Опубликовано в издании:

**Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель
и автор вступительных статей В. А. Томсинов.
М.: Зерцало, 2009. С. XIII–XXIII.
(Серия «Русское юридическое наследие»)**

Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий

Смерть монарха чревата потрясениями для монархических государств, в которых отсутствует прочный порядок престолонаследия. Такого порядка не было в России в момент кончины Петра I. По Уставу «О праве наследия престолом», высочайше утвержденному 5 февраля 1722 года, определение наследника российского императорского престола отдавалось на усмотрение «правительствующего государя» и должно было осуществляться по правилу: «кому оной хочет, тому и определит наследство». Однако Петр I умирал, не оставив завещания о передаче самодержавной власти. Вследствие этого судьба царской короны оказалась в руках сановников, входивших в его ближайшее окружение. В ночь на 28 января 1725 года, когда было уже очевидно, что смерть Петра I близка, они собрались в одной из комнат царского дворца, чтобы решить вопрос о том, кто станет новым российским самодержцем. Некоторые из сановников — П. М. Апраксин, Д. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и др. — были сторонниками возведения на трон внука Петра I великого князя Петра Алексеевича. Ему не исполнилось еще и десяти лет, поэтому названные лица предлагали поручить управление государством до его совершеннолетия супруге Петра I Екатерине и Сенату, утверждая, что только такое решение проблемы престолонаследия позволит избежать междоусобной войны. Другая группа сановников — А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, П. И. Ягужинский и др. — хотела видеть на императорском престоле Екатерину, которая и сама не прочь была стать самодержицей всероссийской¹.

¹ «Екатерина должна была действовать по инстинкту самосохранения и нашла себе помощников, находившихся в одинаковом с нею положении, — писал историк С. М. Соловьев. — В этом положении находился Меншиков, которого ничего не стоило погубить противной стороне вследствие обвине-

Возражая вельможам, стремившимся возвести на него Петра Алексеевича, граф П. А. Толстой говорил: «Это распоряжение именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая никакого внимания на регентство. При настоящих обстоятельствах Российская империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора, и который бы в то же время отличался милосердием для содействия народа счастливым и преданным правительству; все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага вообще и в частности, никогда не сделавши никому зла; притом права ее подтверждаются торжественною коронациею, присягою, данною ей всеми подданными по этому случаю и манифестом императора, возвещающим о коронации»¹.

Сторонники возведения на императорский престол супруги Петра I оказались сильнее: они сумели заручиться поддержкой гвардейских офицеров, да и влиятельных персон среди них было больше. В результате перед самой кончиной Петра I было решено, что самодержавная власть достанется его супруге. Однако право Екатерины Алексеевны занять пьедестал верховной власти нуждалось в обосновании. Эту задачу призван был решить Манифест «О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатери-

ний, лежавших на нем, вследствие явной опалы от Петра: новому правительству можно было погубить Меншикова во имя старого, дать вид, что произносит приговор, который произнес бы и Петр, если б не был остановлен рукой смерти. В таком же положении находился Толстой, на которого смотрели как на главного виновника несчастий царевича Алексея и который, следовательно, не мог ожидать ничего доброго при воцарении сына его. Генерал-прокурор Ягужинский, обязанный своим высоким местом Петру, не любимый родо-витою знатью, как выскочка и человек честолюбивый, стремившийся играть самостоятельную, первостепенную роль, не мог ждать для себя ничего хорошего при воцарении внука Петрова, т. е. при торжестве старой знати» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. С. 555–556*).

¹ Цит. по: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. С. 557*.

ны I», изданный от имени Синода, Сената и генералитета¹. В нем признавалось, что наследником престола может стать, по правилу, провозглашенному Манифестом от 5 февраля 1722 года и подтвержденному присягой «всех чинов Государства Российского», только тот, «кто по воле Императорской будет избран». Отсутствие документа, выражавшего избрание Петром I своей супруги в качестве наследницы самодержавной власти, не смутило сторонников ее возведения на императорский престол. Выражением такого избрания было объявлено коронование и помазание Екатерины Алексеевны, совершенное 7 мая 1724 года на основании высочайшего Манифеста от 15 ноября 1723 года. Историк В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Отменив закон его толкованием, Сенат в манифесте от себя, а также от Синода и генералитета, вовсе и не участвовавших в сенатском совещании, объявлял о воцарении Екатерины не как о своем избирательном акте, а только как об истолкованной Сенатом воле покойного государя: он удостоил свою супругу короною и помазанием»².

Между тем из содержания Манифеста от 15 ноября 1723 года явствовало, что Петр I короновал Екатерину Алексеевну короной не императрицы — *самодержицы всероссийской*, а императрицы — *супруги императора*. «Понеже всем ведомо есть, что во всех Христианских Государствах непременно обычай есть Потентам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле право у славных Императоров Греческих сие многократно бывало»³, — говорилось в указанном акте и далее приводились конкретные примеры. В его тексте не было ни малейшего намека на то, что Екатерина Алексеевна стала в результате коронации наследницей российского императорского престола.

Правда, в воспоминаниях людей, наблюдавших это событие, можно найти факты, свидетельствующие о том, что император Петр I придавал коронации своей супруги значение акта, который предоставлял ей правомочие управлять государством. Так, в «Записках» гольштейнского министра и дипломата Геннинга-Фридриха Бассевича описывается следующий случай, произошедший за день до коронации: «Император имел обыкновение посещать значительных не-

¹ См. стр. 2 настоящего издания.

² *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть IV // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. С. 241.

³ Манифест о короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны // 1-е Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832 (далее: ПСЗРИ). Том 7. № 4366. С. 161.

гоциантов и известных артистов и часто проводить с ними часа по два; так и накануне коронации он зашел с несколькими сопровождавшими его сенаторами к одному английскому купцу, где нашел многих знатных духовных особ, между прочим духовника своего, архиепископа Новгородского¹, и ученого и красноречивого архиепископа Феофана Псковского². Великий канцлер³ также пришел туда. Среди угощений хозяина разговор оживился, и император сказал обществу, что назначенная на следующий день церемония гораздо важнее, нежели думают; что он коронует Екатерину для того, чтоб дать ей право на управление государством; что спасши империю, едва не сделавшуюся добычей турок на берегах Прута⁴, она достойна царствовать в ней после его кончины; что она поддержит его учреждения и сделает монархию счастливою. Ясно было, что он говорил все это для того, чтоб видеть, какое впечатление произведут его слова. Но все присутствовавшие так держали себя, что он остался в убеждении, что никто не порицает его намерения»⁵. Среди историков записки Г.-Ф. Бассевича имеют репутацию не вполне достоверных. Но даже если Петр I действительно выражал накануне коронации своей супруги намерение сделать ее наследницей императорского престола, то это совсем не означает, что царь хотел видеть Екатерину Алексеевну в таком качестве спустя полгода после совершения этой церемонии, когда его величеству стало известно, что она в течение долгого времени изменяла ему с Виллимом Монсом.

¹ Феодосия Яновского.

² Феофана Прокоповича.

³ Гавриил Иванович Головкин.

⁴ В данном случае имеется в виду спасение русской армии во главе с Петром I, окруженной в июле 1711 г. на берегу Прута пятикратно превосходившими ее по численности турецкими войсками, благодаря мирному договору, заключенному от имени царя с верховным визирем вице-канцлером П. П. Шафировым. Екатерина Алексеевна была в этом несчастном походе вместе с Петром I (в качестве уже не просто любовницы, но будущей жены) и якобы пожертвовала свои драгоценности на подкуп турецкого визиря. См. об этом: Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 315–316.

⁵ *Граф Геннинг-Фридрих Бассевич*. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. Юность державы / Фридрих-Вильгельм Берхгольц. Геннинг-Фридрих Бассевич. М., 2000. С. 419–420.

Думается, если бы Петр I на самом деле желал видеть после себя на императорском престоле свою супругу, он обязательно выразил бы это желание в завещании, как того требовал Устав «О праве наследия престолом». Император придавал данному законодательному акту повышенное значение. Об этом свидетельствует уже одно его повеление всем российским подданным «утвердить» сей Устав перед Богом и Евангелием «на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или инако как толковат станет, тот за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет»¹. Отсутствие у Петра I завещания о престолонаследии означало в этих условиях только одно: **он не видел в своем окружении никого, кому мог бы передать самодержавную власть.**

Установленное Уставом от 5 февраля 1722 года правило наследия императорского престола, согласно которому «всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство», Петр I основывал не только на историческом опыте, но и на соответствующем принципе наследования недвижимого имущества, который выразил в Именном указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», принятом 18 марта 1714 года². «В таком же разсуждении в прошлом 1714 году, — заявлял он в статье 4 Устава о престолонаследии, — милосердую мы о наших подданных, чтоб и партикулярные их дома не приходили от недостойных наследников в разорение, хотя и учинили мы Устав, чтоб недвижимое имение отдават одному сыну, однакож, отдали то в волю родительскую, которому сыну похотят отдат, усмотря достойного, хотя и меньшому мимо болших, признавая удобного, которой бы не расточил наследства. Колми же паче должны мы имеет попечение о целости всего нашего государства, которое с помощью Божиею ныне паче распространено, как всем видимо есть»³. Согласно статье 2 Указа от 18 марта 1714 года, при отсутствии завещания недвижимое имение переходило в наследие старшему сыну. Если же сыновей не было, то наследницей становилась старшая дочь. Вдова же умершего хозяина недвижимого имущества при наличии детей не могла ни при каких обстоятельствах стать законной его наследницей⁴.

¹ О праве наследия престолом. Именной указ [февраля 5 дня 1722 года] // Законодательство Петра I / Отв. ред. Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский. М., 1997. С. 62.

² См.: ПСЗРИ. Том 5. № 2789. С. 91–94.

³ О праве наследия престолом. С. 62.

⁴ См.: ПСЗРИ. Том 5. № 2789. С. 92.

Из одиннадцати детей Петра I и Екатерины Алексеевны к январю 1725 года оставались живыми лишь две дочери — Анна и Елизавета. Но Анна Петровна при обручении в 1724 году с герцогом Гольштейнским отказалась вместе с женихом от права наследовать российский императорский престол. Толкование Устава 1722 года «О праве наследия престолом» с помощью Именного указа 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» влечет за собой вывод о том, что при отсутствии завещания Петра I о передаче императорского престола он должен был перейти по закону если не к великому князю Петру Алексеевичу — сыну Алексея Петровича, родившегося от брака царя Петра с Евдокией Лопухиной, то к великой княгине Елизавете Петровне. Ее мать — Екатерина Алексеевна — законного права наследовать самодержавную власть в этом случае не приобретала.

О том, что Петр I не мыслил своей супруги в качестве самодержавной императрицы, свидетельствует и его нежелание готовить ее к самостоятельной государственной деятельности. Он не принял никаких мер даже для того, чтобы просто обучить ее грамоте. Между тем царь не мог не понимать, что передача самодержавной власти неопытной и не сведущей в государственных делах женщине фактически отдаст судьбу России в руки сановников, обуянных жадной личной наживы, — людей, для которых частный интерес важнее государственного.

В действительности именно это и произошло в результате восшествия Екатерины Алексеевны на императорский престол: Россией стала фактически управлять узкая группа сановников при ведущей роли казнокрада А. Д. Меншикова. Причем зависимость императрицы от этих лиц оказалась чрезвычайно сильной во многом еще и потому, что исключительно им она была обязана своим пребыванием на троне. Юридическое основание для этого было весьма шатким. Отсутствие завещания Петра I о передаче Екатерине Алексеевне самодержавной власти делало сомнительными всякие попытки представить ее восшествие на императорский престол осуществленным в полном соответствии с Уставом 1722 года «О праве наследия престолом». К тому же законность и самого этого документа вызывала в русском обществе сомнения. Восшествие на императорский престол женщины простого происхождения¹ еще больше данные со-

¹ О родителях Екатерины I никаких сколько-нибудь достоверных сведений не сохранилось. Но их принадлежность к низшему сословию сомнений

мнения усилило. В Петербурге стали распространяться письма, порицающие петровский Устав о престолонаследии. Издание императрицей специального указа, запрещающего писать и распространять такие письма под страхом смертной казни, не исправило положения: письма продолжали появляться, причем близ церквей и домов самых высоких сановников. Тогда государыня решила на весьма необычную меру: указом от 21 апреля 1726 года она повелела снова напечатать Устав «О праве наследия престолом», приложив к нему тексты присяги, принесившейся подданными, и трактата «Правда воли монаршей»¹, который был написан в 1722 году Феофаном Прокоповичем с целью объяснения установленного этим Уставом нового порядка престолонаследия и тогда же опубликован. По высочайшему распоряжению священники должны были читать тексты упомянутых документов у приходских церквей и по монастырям в каждый воскресный день и в праздники.

Незаконность пребывания Екатерины Алексеевны на императорском престоле не представляла бы для нее серьезной угрозы, если бы в среде сановников, которые возвели ее на пьедестал самодержавной власти, сохранялось единство и не было распрей. Стремление императрицы ослабить эти распри стало одним из мотивов, побудивших ее учредить Верховный Тайный совет. «В начале нового, 1726 года, — писал об этом событии С. М. Соловьев, — разнесся слух, что недовольные вельможи хотят возвести на престол великого князя Петра с ограничением его власти, что австрийский двор благоприятствует этому, что движение начнется в украинской армии, которую начальствует князь Михаил Михайлович Голицын. Толстой, видя опасность для Екатерины и ее дочерей, начал хлопотать, как бы прекратить неудовольствие, ездил к Меншикову, Голицыну, Апраксину, и результатом этих поездок и совещаний было учреждение *Верховного тайного совета*, где главные сановники должны быть члена-

не вызывает, ибо в молодые годы будущая российская императрица являлась служанкой. Имя Екатерины Алексеевны она получила в 1706 году при крещении в православную веру. До этого звали ее Мартой, а по фамилии — Скарвонской или Василевской. В Российском государственном архиве древних актов хранится записка Петра I, датированная 5 января 1708 г., в которой царь дает следующее распоряжение: «Ежели что мне случится волею Божию, тогда три тысячи рублеф, которыя ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василефьской и з девочьюю» (Переписка Петра I и Екатерины Алексеевны // *Павленко Н. И.* Екатерина I. М., 2004. С. 170).

¹ См. стр. 76–136 настоящего издания.

ми с равным значением под председательством самой императрицы, где, следовательно, никто не мог провести ничего без общего ведома и обсуждения»¹.

Именной указ императрицы от 8 февраля 1726 года «Об учреждении Верховного Тайного Совета»² определял функции нового государственного органа и порядок его деятельности в самой общей форме. В нем говорилось, что Верховный Тайный совет учреждается при императорском дворе «как для внешних, так и для внутренних Государственных важных дел». Из последующего содержания Указа можно сделать вывод о том, что в иерархии государственных органов данный Совет ставился над Сенатом. В связи с этим вполне закономерным было присвоение последнему названия «Высокого» вместо «Правительствующего»³. О том, что создание Верховного Тайного совета влекло за собой реформу Сената, свидетельствуют и Указы Екатерины I от 7 марта и 28 марта 1726 года⁴.

В начале 1727 года государыня издала узаконение, в котором более подробно определила предназначение и порядок деятельности Верховного Тайного совета. Это узаконение отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи». Его содержание привел С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». При этом историк не указал, откуда он взял его. Согласно приведенному им тексту, Екатерина I постановила в своем распоряжении: *«В начале прошлого года изобрели мы за потребно при нас учредить Верховный тайный совет, состоящий из таких членов, которые все еще при его императорском величестве блаженнейшие памяти в важнейших государственных делах употреблены были и на которых верность и ревностное радение к интересам нашим и к нашему и государства нашего благополучию мы совершенную надежду имеем; и понеже мы сей Совет учинили Верховным и при боку нашем не для чего иного, только дабы оной в сем тяжком бремени правительства во всех государственных делах верными своими советами и бесстрастным объявлением мнений своих нам споможение и облегчение учинил, и тако все дела по довольном зрелом и совестном уважении и рассуждении от нас решены и потому отправлены быть могли. Того ради и наше все-*

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. С. 574.

² См. стр. 67–68 настоящего издания.

³ См.: Именной указ Екатерины I от 14 марта 1726 г. на стр. 75 настоящего издания.

⁴ См. стр. 71–76 настоящего издания.

милостивейшее соизволение есть, чтоб не токмо о делах, по учиненному от нас регламенту в сей Верховный тайный совет вносимых, но и обо всех других до нашей и государства нашего пользы касающихся в оном наперед зрелое рассуждение и верные, совестные и бесстрастные советы отправлены, общие мнения записаны и со оными потом нам для получения нашего всемилостивейшего решения предложены были. И дабы сие впредь вящим порядком к пользе нашей и государства нашего учинено быть могло, того ради изобрели за благо следующие определения учинить: 1) понеже любезнейший наш зять, его королевское высочество герцог гоштинский, по нашему милостивому требованию в сем Верховном тайном совете присутствует и мы на его верное радение к нам и к интересам нашим совершенно положиться можем, того ради и его королевское высочество, яко наш любезнейший зять и по достоинству своему не токмо над прочими членами первенство и во всех приключающихся делах первый голос имеет, но и мы его королевскому высочеству позволяем из других Верховному тайному совету подчиненных мест все такие ведомости требовать, которые к делам, в Верховном тайном совете предложенным, для лучшего оных изъяснения ему потребны могут быть. 2) Повелеваем, чтоб никто никакие дела, до нашего решения и до рассуждения сего нашего Верховного совета принадлежащие, собою и партикулярно отнюдь не отправлял, но обо всем наперед во оном Верховном тайном совете предлагал, дабы с зрелого рассуждения и общего совета обо всем определение учинено быть могло, разве от нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет. 3) Повелеваем, дабы такожде из каких партикулярных канцелярий никакие дела, до другого суда или коллегии касающиеся, отправлены не были, но для отправления и исполнения отосланы были, куда оные по званию своему принадлежат. 4) И понеже наше всемилостивейшее соизволение есть, дабы обо всех делах, до наших и государства нашего интересов касающихся, наперед в Верховном тайном совете для общего зрелого рассуждения предложено было, того ради и мы впредь никаких таких партикулярных доношений о делах, о которых в Верховном тайном совете предложено и общее мнение записано не было, ни от кого принимать не будем, разве кто имеет доносить о таких делах, которые никому иному, кроме нам самим, поверены быть могут. 5) Ежели случится, что в наших важных государственных делах между членами сего нашего Верховного совета разные мнения будут и по общем совестном и беспристрастном уважении всех тех мнений, однако ж между теми членами

об одном мнении соглашено быть не может, то в таком случае те дела отнюдь в действо не произвестъ, несмотря на то, хотя б с которой стороны и больше голосов было, но должны тогда каждый свое мнение с обстоятельным изображением всех резонов на письме во оном Совете подать и потом нам для решения об оных доложить. 6) И также дела в Верховном тайном совете лучшим и основательным порядком отправлены быть могут, ежели по примеру других государств дела между членами по особливым департаментам разделены будут, и для того такожде при учинении регламента Верховного тайного совета от нас всемилостивейше повелено было, дабы о таких департаментах особое мнение написано и нам всеподданнейше предложено было; но сие до сего времени еще не учинено: того ради надлежит немедленно тому учинить проект и нам об оном для всемилостивейшей апробации доложить»¹.

* * *

Целый ряд узаконений, публикуемых в настоящей книге, был издан Екатериной I во исполнение предначертаний Петра I. К их числу относится, например, Именной, данный Сенату, указ от 7 декабря 1725 года «О заведении Академии Наук и о назначении Президентом оной Лейб-Медика Блюментроста»². Данный указ претворял в жизнь план организации в Санкт-Петербурге Академии наук, провозглашенный Именным, объявленным из Сената указом Петра I от 28 января 1724 года³. Подготовка к ее открытию шла в течение всего названного года: в частности, велись переговоры о приглашении иностранных ученых, создавалась канцелярия, обсуждался статус академиком, разрабатывались проекты узаконений, регулирующих конкретные вопросы внутреннего устройства и деятельности Академии. Но до смерти Петра I эти работы не были завершены. Екатерина I, взойдя на престол, не стала их останавливать. 27 декабря 1725 года состоялось первое торжественное публичное собрание Академии наук. В нем приняли участие зять императрицы герцог Гольштинский, Феофан Прокопович, князь А. Д. Меншиков и другие видные представители столичной знати. 14 января 1726 года в Санкт-Петер-

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. С. 575–576.

² См. стр. 64 настоящего издания.

³ См.: ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 220.

бургской типографии был напечатан каталог лекций академических профессоров: они начинались спустя десять дней — 24 января. Таким образом, Петербургская Академия наук официально начала действовать в качестве научного и учебного заведения.

Продолжила Екатерина I и работы Петра I по систематизации российского законодательства. В настоящей книге публикуется целая серия указов императрицы, содержащих предписания о составлении нового Уложения.